

С Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Ольга ГУСЕВА

г. Тверь

У этих варваров странное представление о смерти. Нет, мы тоже готовы были отдать жизнь за идею. Но они совсем, совсем не такие, как мы.

Взять, к примеру, этого. Маленький, лысый, злой. Кой чёрт принёс его сюда, на смоленские болота! Весна в этих краях всякий раз грязная, совсем как тогда, и колёса его машины застревали по дороге. Вернее, как здесь говорят, по бездорожью: это когда дороги нет, а по ней всё равно ездит транспорт и ходят люди. Удивительно: я до сих пор с трудом называю их людьми... Обескровленные, но ещё живые, в сорок втором они больше походили на *böse Geister** — злых призраков.

Ещё снег до конца не сошёл с полей, а Лысого хлебом не корми — дай порыть. Вгрызаясь лопатой в землю, он что-то бубнит про деда — коммуниста, политрука, убеждённого партийца. До чего же крепко в их мозги въелись эти странные убеждения! Да, они слеплены из другого теста.

Вот что я видел много лет назад в одной деревне: худая женщина с серым лицом готовила лепёшки из глины и крапивы, чтобы накормить детей. Я смотрел на её грубые пальцы с чёрными трещинами и вспоминал нежные руки Эрны. Что бы ни делала Эрна — садилась ли за руль нашего «Mercedes-Benz», срезала в саду розы, проводила ли гребнем по белокурым волосам — всё это было прекрасно и тонко. Только образ Эрны ускользает от меня, уплывает в небытие... А те костлявые пальцы — казалось, они были готовы впитаться мне в плоть! — вызывали у меня омерзение и тошноту, но я помню их до мельчайших деталей. Я застрелил ту русскую женщину безо всякой жалости.

Такая же грязь, как сейчас, была и той весной — моей последней весной. До сих пор мои ноздри щекочет кислый запах сырого войлока. У русских были проблемы со снабжением. Они пытались прорваться с правобережья и были у нас как на ладони. Мы презирали их валенки и лохмотья, смеялись над непрактичными стеклянными флягами. Но, умирая, эти *russische Schweine*, русские свиньи, плевали нам в лицо.

* Здесь и далее перевод на немецкий Полины Бариновой.

«ПОМОГИТЕ МНЕ
ВЕРНУТЬСЯ
В ДРЕЗДЕН...»

рассказ

Я гляжу на поле: там оживление. Вот Лысый откопал деревянную ложку и показывает остальным — таким же сумасшедшим, которым не сидится дома. На ложке нацарапана какая-то русская фамилия. Ложку располовинило осколком — наверно, какой-то солдат за обедом не успел донести её до рта. Но её не выбросили, аккуратно соединили части проволокой. Вот находку передают из рук в руки. Люди восхищаются изобретательностью *des russischen Iwans*.

Чудаки! Чем тут восхищаться? Это же от нехватки алюминия для бытовых нужд! Но те люди, наоборот, гордятся за страну — ту, которой, как они сами же и говорят, уже не существует.

Они называют себя поисковиками, вместе с Лысым ищут кости и медальоны: так у них называются эбонитовые колпачки с крышками, под которыми спрятаны свёрнутые бумажки с фамилией и адресом. Заметьте, всего лишь бумажки! Это так ненадежно! У *tapfere deutsche Soldaten*, наших доблестных немецких солдат, всё устроено куда разумнее. Номерной знак, выбитый на алюминиевой пластине, — вот где надежность и основательность! А эти дикари на смоленском болоте копаются все равно что в помойке. Они то радуются, то удивляются, находя тюбики от крема, пустые консервные банки, бутылки из-под вина «Либфраумильх», или шнапса, или французского коньяка.

Сюда, на болота, эти русские приезжают уж сколько лет подряд — то весной, то летом. Я видел их много раз и почти всех запомнил в лицо. Главного я называю *Herr Kapitän* — господин Капитан. Он, наверно, и помыслить не может, что я — здесь! Сажу на пенёчке, всё вижу и слышу. Он ведёт какую-то документацию, часто вспоминает Бога и утверждает, что враждующие армии живут в мире на небесах.

А Лысый нас, немцев, ненавидит. У него цепкий взгляд исподлобья и сложение боксёра-легковеса. Иногда всё же мне кажется, что Лысый видит меня или, по крайней мере, догадывается, что здесь, рядом с ним, есть кто-то незримый. Или они не хотят меня замечать?..

Я давным-давно сажу на этом дурацком пенёчке, лишь однажды на меня обратили внимание, но не живые, а те, кто погиб, как и я. Это было прошлой весной. Я привычно наблюдал, как эти русские копают. Вдруг за моей спиной хрустнул

валежник — это из леса вынырнули двое. Они были небритые, по одежде я понял: пехотинцы. В этих местах, где погибло много солдат, и такое бывает. Обычно чужие неуспокоенные души проходят мимо меня. Но тогда не прошли. Тот, что помладше, фыркнул и толкнул в бок второго с перевязанной головой:

— Коля! Гляди-ка, фриц!

— *Ich bin Hans*, — возразил я и тут же понял: это давно не имеет значения; без особой надежды спросил: — *Herr... Sprechen Sie Deutsch?*

— Какой я тебе херр? — поморщился перевязанный, плюнул и пошёл дальше — туда, где неугомонный Лысый терзал лопатой землю. — Даже тут от фрицев покоя нет...

Я больше ничего не спрашивал. А те двое, как и я, незримые для живых, встали неподалёку и тоже наблюдали за раскопками.

— Внук мой, — кивнув на одного парня, сказал перевязанный.

— Похож, — улыбнулся молодой. — Как ты думаешь, Коль, живые нас слышат?

Конечно, они не могли нас слышать, даже не именно эти, а вообще. У мертвых нет голоса.

Сегодня, когда эти копатели уже собирались уезжать, они наткнулись на меня — не на того, который сидел на пенёчке, а на мои останки, оставленные во время войны в яме вместе с трофейной советской винтовкой. Винтовку, как я помню, русские называли женским именем — не то Марусей, не то Аграфеной. Наверное, от тоски по дому и женщинам. Но вряд ли, конечно, эти русские умели тосковать и любить так, как я любил свою прекрасную Эрну.

С неба моросило. Туман полупрозрачный, как разбавленное молоко. Эти копатели хотели уехать, пока не стемнело. А сейчас устроились на привал передохнуть. Негромко забренчала гитара. Русские говорили о тех, чьи кости уже были перебраны и бережно уложены в специальные пакеты. Господин Капитан учил кого-то — говорил, что считать нужно не по черепам, а по берцовым.

Их очередная вахта была окончена: остальные уже сворачивали палатки. Только Лысый всё ещё ходил вокруг с лопатой и словно принюхивался. Копнёт и смотрит так внимательно в траншею. И вдруг:

— Боец!

Остальные отбросили все дела, подбежали к Лысому, схватились за лопаты, потом — за садовые ножи — аккуратно откидывали землю.

- Череп, осторожно! — объявил Лысый.
- Куда-а ты берцами!.. — заныл другой.
- Зубы, глядите-ка... Лет сорока, наверно.
- Ух ты! Мосинка?
- Не. Эсвэтэшка.

— Парни, это немец, — предположил кто-то, когда находку можно было получше разглядеть.

Все замерли. Молчание.

Господин Капитан прищурился, потоптался, соображая.

- Какой немец? «Светка» же... — сказал он.
- Точно говорю, немец.
- Да с чего ты взял?!
- Чую, — бросил тот и вытащил из грязи какой-то грязный комок.

Останки были мои, а в том коме грязи — мой жетон, целый, почти нетронутый коррозией, из двух одинаковых половинок.

Herr Kapitän счистил с алюминиевой плашки остатки земли. И — понеслось.

— Срочно связаться с немцами! — скомандовал он. — Это их кадр. Жетон номер два-семь-три...

Я от волнения даже привстал с пенька, на котором сидел. Неужели то, что от меня осталось, похоронят в родной земле, рядом с моей Эрной? Я поеду домой, в Дрезден?

Русские ждали. Ругались, что нет связи, — конечно, у них всё не слава богу, не то что в Германии. Хотя какой у них бог? Как известно, *Gott mit uns...* Да, бог с нами, а не с ними.

Кто-то из копателей предлагал отъехать подальше, кто-то — залезть на берёзу. Наконец наладили связь, но тоже в своём роде...

— Напиши Васе! — кричал в трубку *Herr Kapitän*. — Я говорю, Василию напиши! Пусть он срочно свяжется с фондом... Да потому что связи нет! Что?! Да потому что как я его оформлю? Ты с ума сошёл? Под монастырь меня хочешь подвести?!

Как я понял, какой-то Василий должен был решить мою судьбу.

Мои кости очищали от земли и выкладывали на грязный холщовый мешок.

Копая, Лысый был сосредоточен.

— *Herr Glatzkopf, ich hatte den Ring bei mir*, — забыв, что живые не слышат мертвых, сказал

я, заглядывая через его плечо в разрытую траншею.

— Фигасе, — удивился Лысый. — Парни, гляньте! Тут ещё кольцо с гравировкой.

Да, это и есть моё обручальное кольцо. Я помню: когда мы с Эрной кружились в танце, её белокурые волосы разлетались по обнажённым плечам. Когда она смеялась, я любовался её ровными жемчужными зубами. На тонком безымянном пальце левой руки у неё блестело колечко — такое же, как у меня, только размером поменьше. «*Lieber Hans, ich gebe die Ringe dem Graveur, damit er Inschriften zur Erinnerung drauf machst. So wirst du immer mit mir sein, Hans*», — шептала Эрна.

Мои воспоминания прервал *Herr Kapitän*.

— Василий, твою ж дивизию! — кричал он. — Ты написал немцам или нет? Не слышу! А?! Что?! Понял. Ждём. Да куда мы денемся с подводной лодки...

Стужались сумерки. Закат в этих местах разливается по небу алым. Лысый зажёл налобный фонарь: теперь он закапывал траншею. Мои кости и череп разложили поверх мешка на капоте машины. Кто-то принес сухих веток, рядом зажгли костёр.

Лысый крутил в руках кольцо, пытался разобрать надпись. Над ним склонились другие.

Herr Kapitän снял грязные перчатки, сел поближе к огню, привалившись спиной к моему пеньку, и закурил. Мне показалось, что я снова чувствую терпкий запах *Eckstein №5*.

— Как ты думаешь, что с ним случилось? — спросили у Лысого.

— Он штабной офицер. Эсвэтэшку дали в руки — и вперёд, — ответил тот.

— А потом?

— Забыли в траншее. Так и лежал, пока земля не забросало...

Кажется, я не удивлюсь, если сейчас он заговорит и про Эрну.

У костра пели: «И я поднимаюсь с винтовкой в руке, со ржавою кровью на ржавом штыке...» Конечно, не про меня, а про своих.

Прошло немало времени, а мне показалось, целая вечность. Затихли разговоры и гитара. *Herr Kapitän* молчал, по лицу блуждали отблески пламени. На ладонях его блестела серебристо-серая пыльца: он высверливал

патроны и ссыпал из них порох в пустую консервную банку.

Другой подошёл к нему, плюхнулся рядом:

— Мы здесь до утра сидеть будем?

— Не знаю.

— Ехать надо, кэп. На работу завтра. И без того всю ночь пилить...

— Ага. — *Herr Kapitän* угрюмо кивнул на капот.

— А с этим-то что делать?

Я хорошо помню, как погиб.

Сначала слышал крики, они пробивались сквозь болотный туман и сливались в единый поток звуков, в который вплетался треск автоматных очередей. Когда русские ворвались к нам в траншею, я не успел ни выстрелить, ни даже вскинуть винтовку. Я не выпустил её даже после той последней вспышки. Падая, я уже не думал ни о чём, боли не чувствовал, а вокруг только запах горячей стали, пороха и земли — чужой русской земли...

Поток прошлого в моей голове перебил *Herr Kapitän*:

— ...Так позвоните им и скажите!!! — кричал он.

Пытаясь поймать связь, он забрался на мой пенёк, а мне пришлось подняться в воздух и зависнуть над костром.

— А кто должен?! Может, это я должен?! Да не ору!!! Да не на тебя... Нет, ну неужели неясно, что у нас тут — это не там у них?!

Herr Kapitän соскочил с пенька растерянный. Достал сигарету, чиркнул спичкой, затянулся.

— Вася связался с фондом... — начал говорить он.

— Ну? — нетерпеливо спросил Лысый.

— *Fahre ich nach Dresden?* — безмолвно спросил я.

Сизое облачко дыма медленно рассеивалось.

— Говорят, мы должны... закопать его обратно.

Потрескивал костёр. В лесу заливались вечерние соловьи.

— То есть... как это? — не поверил Лысый.

— Ничего больше не трогать, — пояснил в растерянности другой, — и... организовать ему охрану...

Громкий хохот разнёсся по округе, где на много миль кругом, кроме той группы копателей, не было ни души. Только поля, леса, овраги и болота. А небо? Нет, понятно, что мы с ними делим

воздушное пространство. Но небо — наверно, оно всё-таки общее для всех?

— Может, ещё почётный караул к нему выставить? — пошутил кто-то.

— ...А они приедут — и будут разбираться, — закончил *Herr Kapitän*.

Я вернулся на свой пенёк и ловил каждое слово, потому что решалась моя судьба.

— Там что, думают, сюда можно трамваем... — иронизировал один.

— В чём разбираться? — пытался выяснить другой.

И дальше:

— Кто такие, что тут делаем... Зачем нам всё это.

— А зачем нам всё это?

— А у нас есть коммерческий интерес?

— Ну, например, бабла срубить с внуков погибших немцев...

— Ха! А им надо? Говорят, у них там выплаты на без вести пропавшего...

— Внуки у нас же и спросят: на кой вы его откопали?

— Но это же их собственный... как его? дойче зольдатен!

— Можно подумать, мы каждый день находим немецкие жетоны...

— Это официальный ответ из фонда? — спросил Лысый.

— Это официальный ответ из фонда, — кивнул *Herr Kapitän* и бросил окурочек в догорающий костёр.

Вот они все собираются. Шуршат бумажками: на каждого бойца составляют акт эксгумации. Я сижу на пеньке и всё ещё не могу поверить, что не попаду в Дрезден.

Мимо меня прошёл Лысый. В руках у него лопата и металлоискатель.

Я обреченно бросаю ему в спину:

— *Hey! Entschuldigung...*

Он оборачивается. Услышал?! Я вскочил с пенька.

Но Лысый смотрит не на меня, а куда-то вверх. Улыбается.

— Смотрите, парни! Журавли...

Солнце садится. Журавлиный клин рассекает закатное небо.

Кэп ссыпает кости в чёрный пакет — такой же, в каких лежат советские солдаты:

– Прости, фриц. Никому ты, выходит, не нужен...

– *Ich bin Hans*, – поправил его я.

– Ты собираешься его в болоте утопить? – мрачно спросил Лысый.

– *Herr Kapitän, bitte tu das nicht!* – стал просить я.

– Да не ссы. – Кэп сплюнул себе под ноги. – Не зарывать же его обратно, в самом деле. В общую захороним на немецком кладбище. Мемориал подо Ржевом...

Мешок с моими костюми бросили в багажник. Жетон и кольцо исчезли в чьем-то кармане. Потом рёв мотора – машина тронулась.

А я что есть сил кричу:

– *Helfen Sie mir, nach Dresden zurückzuko-omme-en!*

Но меня никто не слышит.

Примечания

Mercedes-Benz 170 V – эта серия автомобилей данной немецкой марки выпускалась в 1936–1955 гг.

des russischen Iwans – русский Ванька.

tapfere deutsche Soldaten – доблестные немецкие солдаты.

Liebfraumilch – вино «Либфраумильх» (в переводе – «Молоко Мадонны»).

Herr Kapitän, – господин Капитан.

Ich bin Hans. – Меня зовут Ганс.

Herr... Sprechen Sie Deutsch? – Господин... Вы говорите по-немецки?

Мосинка – русская трёхлинейная винтовка С.И. Мосина.

Эсвэтэшка (СВТ, «Светка») – русская самозарядная винтовка Ф.В. Токарева.

«Gott mit uns» (нем. «С нами Бог») – девиз с герба Германской империи, был выбит на ременных пряжках немецких солдат Второй мировой.

Herr Glatzkopf, ich hatte den Ring bei mir. – Господин Лысый, у меня при себе было кольцо.

Lieber Hans, ich gebe die Ringe dem Graveur, damit er Inschriften zur Erinnerung drauf machst. So wirst du immer mit mir sein, Hans. – Милый Ганс, я отдам кольца гравёру, чтобы сделать надпись на память. Так ты всегда будешь со мной, Ганс.

Eckstein №5 – «Экштейн №5» – марка сигарет.

«И я поднимаюсь с винтовкой в руке, со ржавою кровью на ржавом штыке...» – из песни Алексея Ивакина «Меня нашли в воронке».

Fahre ich nach Dresden? – Я поеду в Дрезден?

Hey! Entschuldigung... – Эй! Простите...

Herr Kapitän, bitte tu das nicht! – Господин Капитан, пожалуйста, не надо!

Helfen Sie mir, nach Dresden zurückzukommen! – Помогите мне вернуться в Дрезден!

Ольга Александровна ГУСЕВА

родилась в г. Набережные Челны.

Окончила филологический факультет

Московского педагогического государственного университета.

Работает учителем русского языка.

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2023) в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

